

Аэлига Базилевская

Московский областной педагогический университет

ДВА АСПЕКТА ТЕМЫ ДЕТСТВА В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА

Key words: Chekhov, stories about children, perception of the world by a child, perception of children's world by adults

Мир ребенка – необычный, неожиданный, яркий – целая область эстетических и этических интересов А.П. Чехова. Для него это – особый мир, дети у него – особые люди. Чехова не привлекала литература собственно детская. Но его крайне волновала сама стихия детства. Притягивал внутренний мир детей, еще не испорченный влиянием общественной среды. В детском сознании он находил неискушенный, гармоничный взгляд на жизнь в ее целостном единстве. Детская тема дает выход его эмоциональному стремлению понять, как соотносится мир взрослых с миром детей. Большая часть произведений Чехова о детях приходится на вторую половину 1880-х гг. – время его расставания с ампула юмориста и становления как крупного, драматически мыслящего художника.

В ту пору напряженных идейных поисков и мировоззренческих кризисов детская натура и детская жизнь вызвали у русских литераторов особый интерес. Детскую тему в творчестве писателей – „восьмидесятников” окрашивали неприятие действительности, поиски нравственного идеала. Эти авторы тяготели к теме детства, находили в детях (как и в людях из народа) естественную простоту, красоту нравственного чувства, чистоту и непосредственность. Огромное влияние на новую литературу о детях оказали написанные ранее произведения С.Т. Аксакова, Ф.М. Достоевского, М.Е. Салтыкова-Щедрина и, более всего – Л.Н. Толстого.

Возросло внимание к духовному развитию ребенка, подростка, юноши, ищущего путей к моральному совершенству, а это была прежде всего тема Толстого. Ведь он задался целью обследовать все основные нравственные и эмоциональные „стихии” человека, как они зарождаются впервые – у ребенка. Стремился воспроизвести детское сознание, дававшее современную жизнь в своеобразном и честном преломлении. Первая его повесть *Детство* и в чеховские времена воспринималась как живая современность. Родственный образ детства,

для которого специфично углубленное внимание к миру природы и вещей, был создан Аксаковым (*Детские годы Багрова-внука*). Мир предстает здесь в той незамутненности, какую дает только младенческое видение.

У Достоевского в его романах и повестях образы детей – это чаще всего образы маленьких страдальцев, обитателей подвалов, нищих, голодных, вовсе лишенных детства. Его маленькие герои – жертвы несправедливости и жестокости – не по годам зрелы, чувства их сложны и глубоки, как у взрослых, мысли болезненны и мучительны. Их страдания служат укором миру. Почти всегда дети у Достоевского – праведники и, одновременно, мученики.

Интерес Салтыкова-Щедрина к детям – часть его заботы о будущем русского человека и страны. Автор трагической повести *Миша и Ваня* видел, что условия современной России обрекают детей на унижительное существование, часто ведут к гибели. Детей калечит вся система жизни, ее бытовой уклад, равнодушные родители. Воспитание таково, что лучшие задатки человека могут никогда не развиваться. Ни у кого не встретим мы такой острой постановки „детского” вопроса, такого страстного желания научить подрастающее поколение честности, героизму и подвигу, как у творца *Пошехонской старины*.

Старшие ровесники Чехова подступались к теме с разных сторон. Изумленный, недоуменный, „детский” взгляд на жизнь – у Г.И. Успенского (*Парамон юродивый* и др.). Писателя интересуют не детские типы и детское сознание как таковые, а положение ребенка в обществе и семье. На первом плане – тревожная мысль о неудовлетворительном, уродливом и даже порочном воспитании, формирующем „лишних” людей. Иначе В.Г. Короленко – он исследует детское самосознание со всеми его специфическими признаками, анализирует детскую психику (*В дурном обществе*, *Ночью* и др.). В его рассказах бросается в глаза необычность ситуаций, связанная с авторской идеализацией и романтизацией детства. Для В.М. Гаршина с его „чутьем к боли”, о котором с уважением говорил Чехов, детство – заветный клад души. Отчаявшегося гаршинского героя (*Ночь*) спасает от самоубийства воспоминание о детстве, о „чистой и простой любви, которую знают только дети”, но он умирает от неожиданного счастья... .

Чехов – создатель образа детского мира – в прозрачности и лирической насыщенности письма следует за Толстым, Аксаковым, Короленко. В то же время преимущественное внимание к боли, беде, одиночеству сближает его с Достоевским, Салтыковым-Щедриным, Успенским, Гаршиным. Изображенные Чеховым дети – часто существа страждущие или же угнетенные и подневольные. Чехов писал о том, что хорошо знал, наблюдал, выстрадал. Он сопереживал, сочувствовал детям, остро ощущая их несчастье. Большинство чеховских детей нарисовано так, что читателю становится не просто грустно, а горько тоскливо.

Ребенком сам Чехов только издали видел счастливых детей. „В детстве у меня не было детства”, – не раз говорил писатель. Себя и братьев он называл „маленькими каторжниками”, имея в виду повинность сидения в лавке, другие родительские дисциплинарные меры, деспотизм отца (которого, впрочем, он не

переставал любить). Но этот „каторжный” путь не омрачил его души, напротив, возбудил в нем жажду любви к жизни, к людям. „Чехов любит детей и пишет с лаской о них и желает, чтобы для них открылась та тихая, нежная и сладкая жизнь, которой не видели печальные глаза самого поэта” [Лысков 1906: 245].

При жизни Чехова его как писателя детской темы приветствовали неоднократно. О чистоте воззрений Чехова, его умении смотреть на жизнь глазами ребенка, об определенной „детскости” и даже „женственности” дара писателя говорилось не раз и при его жизни, и после. Л.Н. Толстой при первом же чтении произведений Чехова восхитился его „способностью любить до художественного прозрения” (запись в дневнике от 15 марта 1889 г.). Д.С. Мережковский говорил о „задушевной гуманности” Чехова, подмечая его „чувствительность, неисчерпаемую, очаровательную, как у женщин и детей” [Мережковский 1995: 553]. Специфику чеховской характерологии подчеркивал В. Набоков: „Ни один писатель не создал столь трогательных, но без грана сентиментальности, персонажей” [Набоков 1996: 325]. Ценна мысль Ю.И. Айхенвальда о том, что „наблюдая детей, автор вместе с тем показывает нас самих, но в оценке Гриши, Коли, Нади и т.п.” (цит. по [Лысков 1906: 245]). Основываясь на анализе рассказов Чехова, критики развивали тему виновности родителей перед детьми, унижения детей взрослыми, развращающего влияния взрослого мира на детскую душу.

В советское время главное внимание уделялось чеховскому миру детей „униженных и оскорбленных”. Происходило подчас полное отождествление простого, чистого детского сознания с сознанием человека из народа. В работах Г.П. Бердникова [Бердников 1970], Г.А. Бялого [Бялый 1956], В.В. Голубкова [Голубков 1958], М.П. Громова [Громов 1989], В.Б. Катаева [Катаев 1979], В.Я. Линкова [Линков 1982], М.Л. Семановой [Семанова 1976] и др. осмыслилась тема детства у Чехова и анализировались конкретные рассказы. Однако, к сожалению, до сих пор нет статей, не говоря о книгах, с детальным разбором чеховских „детских” шедевров, изучены далеко не все тексты.

В рассказах Чехова о детях два основных аспекта: восприятие мира глазами ребенка и восприятие взрослыми детского мира. Чехов изображает те моменты в жизни детей, которые позволяют выявить проблемы, возникающие от непонимания взрослыми мира ребенка. Он строит свои рассказы чаще всего на столкновении детского сознания с миром взрослых, чуждым и непонятным. В одних произведениях изображаются оба мира как пересекающиеся. События рисуются такими, как их видят взрослый и ребенок. В других внешний мир, с которым сталкивается маленький человек, предстает целиком в его восприятии. Через взаимодействия между детьми и взрослыми выявляются психологические особенности тех и других.

Чехов предстает как знаток детской психологии и поведения. Поражают чеховская наблюдательность, фантазия, его дар перевоплощаться, смотреть на мир глазами героев. Писатель передает свежесть детского взгляда, острую способность видеть красоту (ведь даже тусклые краски в детском восприятии

всегда остаются яркими). Каждый ребенок, в представлении Чехова, – это личность со своими вполне определенными чертами, интересами, привычками, способностями. Дети, независимо от возраста, остаются еще во многом беспомощными, но они бескорыстней, чем взрослые. С большей готовностью способны прощать окружающих. Их души мягче. Поэтому окружающий мир, в котором так мало доброты, тепла и любви, часто им непонятен, чужд и страшен.

Чехов прибегает к простым и лаконичным средствам, сразу вводит читателя в суть происходящего. Хорошо сказал об этом качестве его поэтики Набоков: „Чехов входит в рассказ [...] без стука. Он не мешкает [...]” [Набоков 1996: 330]. Первые фразы рассказов – при абсолютной простоте – многомерны. В них содержится целое повествование. „Папы, мамы и тети Нади нет дома. Они уехали на крестины к тому старому офицеру, который ездит на маленькой серой лошади [...]”, – так начинается один из наиболее известных рассказов – *Детвора* (1886). Тут ощутимы слог и тональность, свойственные мышлению детей. Именно от их лица ведется повествование. Чувствуется трогательная симпатия автора к миру ребенка, признание его равноправным с миром взрослых.

„Папа, мама и тетя Надя” – люди, близкие детям, и они названы так, как их называют дети. „Старый офицер” – лицо из взрослого мира и, видимо, само по себе детям неинтересное, но им интересно сообщение о том, что в его доме будут крестить ребеночка, интересна и маленькая серая лошадь, на которой ездит старый офицер. Есть еще одна фигура – Филипп Филиппыч. Остается так и непонятным, кто он. Ребятам это все равно, и Чехов отлично знает это. Однако Филипп Филиппыч все-таки вызвал интерес детей. Чем? „Нехороший человек [...], – вздыхает Соня. – Вчера входит к нам в детскую, а я в одной сорочке... И мне стало так неприлично”. А еще Филипп Филиппыч наделен привлекательным для детей умением „заводить” веки, от чего глаза „становились красными, как у нечистого духа”. Чехов показывает особую детскую внимательность к тем „пустякам”, которые совершенно стираются в восприятии взрослых. Зоркость самого Чехова-писателя как раз сродни детской.

Дети играют в лото не в силу потребности – беззаботно повеселиться, а от гнетущей скуки, на которую их обрекли уехавшие в гости родители. Дети предоставлены сами себе, сиюминутное воздействие взрослых отсутствует. Однако духовно-душевный мир детей формируется под влиянием мира взрослых. Дети играют во „взрослую” игру, играют, как взрослые, „с азартом”, на деньги, пользуясь терминами и языком взрослых. В игре раскрываются характеры. Какие тонкие, яркие портреты! Практичный и завистливый девятилетний Гриша, умненькая и самолюбивая Аня („лет восьми”). А вот их шестилетняя кудрявая сестренка Соня, которая явно более всех по душе автору. Писатель „в лоб” об этом не пишет, однако все, что сказано о девочке, не вызывает сомнения в авторской симпатии. Соня „играет в лото ради процесса игры, по лицу ее разлито умиление. Кто бы ни выиграл, она одинаково хохочет и хлопает в ладоши”.

Алеша описан не без иронии – нет сомнения, что у такого маленького существа уже закладывается вовсе не ангельский характер: „По виду он флегма,

но в душе порядочная бестия. Сел он не столько для лото, сколько ради недоразумений, которые неизбежны при игре. Ужасно ему приятно, если кто ударит или обругает ког”. Характеры проявляются в игре: „Аня видит, что Андрей прозевал 28. В другое время она указала бы ему на это, теперь же, когда на блюдечке вместе с копейкой лежит ее самолюбие, она торжествует” или „ – Партия! У меня партия! – кричит Соня... – Проверить! – говорит Гриша, с ненавистью глядя на Соню”.

Замечательно описание стола, за которым играют: „стол... пестрит цифрами, ореховой скорлупой, бумажками и стеклышками”. Чехов активно использует прямую речь, диалоги динамичны, подчеркнута эмоциональность детского восприятия, поведения, быстрые смены настроений (отсюда быстрые смены тем разговоров). Чехов видит окружающее глазами детей и признает их право быть собой.

Очень точно Чехов показывает, сколь бесцеремонно может быть вторжение взрослых в детский мир. От взрослых в рассказе как бы представляет гимназист пятого класса Вася. Его тянет к детям, он садится играть с ними. Но вместе с тем у него возникают такие мысли: „Это возмутительно! – думает он... – Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволять им играть в азартные игры? Хороша педагогия, нечего сказать [...]”.

Борьба амбиций, самолюбий, алчность – все это присутствует в среде совсем еще малышей. И вместе с тем дети трогательны, непосредственны, открыты добру. Чехов не прибегает ни к каким рассуждениям. Свидетельствуют лишь диалоги в игре и – финал: словно бы всепобеждающее детское братство. Соня заснула, в постель „ее ведут всей гурьбой, и через какие-нибудь пять минут мамина постель представляет собой любопытное зрелище. Спит Соня, возле нее похрапывает Алеша. Положив на их ноги голову, спят Гриша и Аня. Тут же, кстати, заодно примостился и кухаркин сын Андрей. Возле них валяются копейки, потерявшие свою силу впредь до новой игры. Спокойной ночи!”.

Удивительно чеховское умение – одним-двумя словами выразить отношение к человеку, описать ситуацию. Всего-то сказано: „примостился и кухаркин сын Андрей”. А за этим – целая судьба. Драма – не то чтобы отверженного, но человека, который с младенчества должен знать „свое место”. И вот выдался случай, повезло, он – рядом с другими детьми, как все. А это заключительное „Спокойной ночи!”... В нем столько любви, столько понимания! *Детвора* – один из самых теплых и вместе с тем психологически глубоких рассказов Чехова о детях.

В рассказе *Мальчики* (1887) автор сосредоточен на детском мироощущении в его отличии от интересов и представлений взрослых. Герои рассказа – уже не малыши, а гимназисты второго класса, но ситуация здесь тоже, можно сказать, игровая. Хотя в то же время – и более сложная: дети решили бежать из дома, отправиться в путешествие. Их воображение обогащено, усложнено впечатлениями от чтения книг.

В *Мальчиках*, как и в *Детворе*, Чехов показывает, что у детей, подобно отношениям взрослых, уже распределены жизненные роли, очевидны особенности характера. Чечевицын, к примеру, выбрал себе роль вождя

непобедимых индейцев, Володе же он поручает подчиненную роль „бледнолицего брата”. Оба мальчика увлечены авантюрой побега „в Америку”, но при этом каждый воспринимает события на свой лад. И, главное, каждый по-разному себя ведет для достижения общей мечты, ибо это два разных характера, две, можно сказать, сложившиеся личности.

Чечевицын – решителен, уверен в себе и даже бесстрашен. Он придумал себе роль отважного, сурового человека. Готов на все для достижения цели, готов преодолеть любые препятствия. Свое поражение считает временным. На вопрос „Вы где ночевали?” гордо отвечает: „На вокзале”. Прощаясь с девочками, он, как и положено мужественному герою, не говорит „ни одного слова”, на лице его – „суровое, надменное выражение”, он остается верен своему идеалу. В Катиной тетради, опять-таки не выходя из образа, подписывается: „Монтигомо Ястребиный Коготь”.

Совсем иной человек Володя. Изнеженный „домашний” мальчик воспитан явно не как герой. Он мучается, колеблется, жалеет близких. Утомлен, потрясен подготовкой к побегу. Ему трудно играть в реальной жизни придуманную роль. Володя „как вошел в переднюю, так и зарыдал, и бросился матери на шею, [...] потом лежал, и ему к голове прикладывали полотенце, смоченное в уксусе [...]”.

Отец Володи (в конце рассказа) приглашает детей к себе в кабинет. И с укором говорит Чечевицыну: „Не хорошо-с! Вы зачинщик, и, надеюсь, будете наказаны своими родителями”. Между тем, зачинщиком-то был безвольный Володя. Тут опять выявляются характеры. Чечевицын молчит, он – тверд, порядочен, не хочет подводить друга. Молчит и Володя. Видимо, и отца боится, и не хочет быть виноватым, тем самым позволяя твориться несправедливости. Чехов показывает, что уже в детстве очевидна натура человека в ее основных чертах.

Девочки, сестры Володи, в отличие от взрослых, сразу обратили внимание на перемену в поведении брата, точно заметили особенности Чечевицына. Друг брата восхищал их все больше и больше. „И этот худенький, смуглый мальчик со шетинистыми волосами и веснушками казался девочкам необыкновенным, замечательным. Это был герой, решительный, неустрашимый человек [...]”. Девочки оказываются и более чуткими, и более наблюдательными, чем взрослые.

В *Мальчиках* Чехов, быть может, наиболее тонко и глубоко показывает разность и разобщенность двух миров – детского и взрослого. Того, что для детей необычайно важно, взрослые просто-напросто не замечают. К примеру, родители Володи настолько невнимательны, что вообще не замечают перемен, происходящих с ним. Не видят, не чувствуют волнения, напряжения мальчиков. Не проявляют никакого внимания к другу их сына. Характерная деталь: отец Володи даже и фамилию-то гостящего у них мальчика ленится запомнить. Называет его то Черепицыным, то Чибисовым. А уж об интересе хозяина дома к душе мальчика говорить не приходится. Еще одна деталь: из взрослых никто не обратил внимания, что мальчики не принимают участия в предпраздничной, обычно столь привлекательной для детей, „елочной” суете. Дальше – больше.

Никто не заметил даже такого очевидного обстоятельства, как отсутствие мальчиков („За обедом вдруг оказалось, что мальчиков нет дома”).

В рассказе *Гриша* (1886) отчетлива огромная разница двух взглядов – ребячьего и взрослого, которые в данном случае даже не пересекаются. К примеру: „Мама похожа на куклу, а кошка на папину шубу, только у шубы нет глаз и хвоста. [...] Папа – личность в высшей степени загадочная! Няня и мама понятнее: они одевают Гришу, кормят и укладывают его спать, но для чего существует папа, неизвестно. Есть еще другая загадочная личность – тетя, которая подарила Грише барабан. Она то появляется, то исчезает. Куда она исчезает? Гриша не раз заглядывал под кровать, за сундук и под диван, там никого не было [...]”.

Многое из того, что делает малыш, можно сказать, трагикомично. Гриша, к примеру, берет у торговки апельсин, и вокруг этого события поднимается шум, а мальчику совершенно непонятно, почему. Что же он совершил? Просто-напросто взял с лотка красивый апельсин, ведь он в том счастливом возрасте, состоянии, когда невдомек эти жуткие взрослые „игры”: деньги и прочее. А взрослым никак не догадаться, почему так поступил Гриша. С прогулки с няней Гриша возвращается „распираемый впечатлениями”, но выразить их не может, а мама поит его касторкой. Два чуждых мира: ясный детский и нелепый взрослый.

Объективность Чехова не позволяет ему в детской теме предаться только умилению. Дети разные. Некоторые уже успели „набраться” у „взрослой братии” много „негожего”. Так появляется шуточный рассказ о завтрашнем доносчике *Злой мальчик* (1883). Этот ребенок способен получать удовольствие от смущения и страдания других, извлекать из него выгоду. Влюбленные пытаются уединиться, но на их пути постоянно – злонамеренная „помеха”. „Когда молодые люди целовались, вдруг послышался смех. Они взглянули на реку и обомлели: в воде по пояс стоял голый мальчик. Это был Коля, гимназист, брат Анны Семеновны. Он стоял в воде, глядя на молодых людей и ехидно улыбался. – А-а-а... вы целуетесь? – сказал он. – Хорошо же! Я скажу мамаше”.

Коля не только кляузник, „не честный и не благородный человек”, но еще и безжалостный вымогатель, мучитель своих жертв. „ – Подлец! – скрежетал зубами Лапкин. – Как мал, и какой уже большой подлец! Что из него дальше будет?!” В уста Лапкина Чехов вкладывает собственные мысли: что же выйдет из человека юного, коль он в своем будто бы невинном возрасте наделен столь неприглядными чертами? „Весь июнь Коля не давал житья бедным влюбленным. Он грозил доносом, наблюдал и требовал подарков; и ему все было мало, и в конце концов он стал поговаривать о карманных часах. И что же? Пришлось пообещать”. В таком положении находились молодые люди, покуда Лапкин не сделал предложения и не получил официального согласия родителей Анны Семеновны.

Как многие чеховские произведения, рассказ написан словно на одном дыхании, с необычайной легкостью, полон мягкого юмора. Взят вроде бы пустяковый случай, а рассказ содержателен и глубок. Здесь и дивные эскизные

портретные характеристики, и описание влюбленности, и главное – „злой мальчик”. Почти определившаяся натура человека, которому всего-то лет десять. Как бы комедийно ни была описана ситуация, из нее отчетливо следует: зло рождает зло. Когда молодые люди получили благословение родителей, они, не сговариваясь, бросились искать Колю. „И потом оба они сознавали, что за все время, пока были влюблены друг в друга, они ни разу не испытывали полного счастья, такого захватывающего блаженства, как в те минуты, когда драли злого мальчика за уши [...]”.

В рассказе мало слов „от лица ребенка” – лишь несколько реплик в диалоге. Гораздо больше непосредственной авторской речи, но есть вкрапления фраз, интонаций „злого мальчика”. Благодаря этому непосредственному „переселению” в душу ребенка повествование делается образным, сочным. В маленькой по объему вещи очевиден метод Чехова: он будто бы на все смотрит со стороны, никого напрямую не обличает, никого указующим перстом не обозначает и не карает. Он словно говорит самой формой повествования: я вам всё описал, представил, извольте сделать вывод сами. Думайте! Чувствуйте!

Рассказ *Событие* (1886) с отчетливостью передает образы едва пересекающихся миров – детского и взрослого. Добрый, теплый, наивный мир детей – и холодный мир взрослых, подчас не только равнодушный, но и жестокий, безжалостный. Таким этот мир видят дети. Взрослые, причем самые близкие люди – мама, папа – кажутся в своих поступках настоящими монстрами. И дети правы: поведение взрослых без содрогания воспринимать невозможно (финал рассказа). Ситуация, которую пережили малыши, – настоящая „школа жестокости”.

Поначалу писатель рассказывает милую, трогательную, смешную историю. Ваня („лет шести”) и Нина („четырёхлетняя девочка”) просыпаются „не в духе”. Но вдруг они узнают, что у кошки есть теперь котят. „Оба разом вскрикивают, прыгают с кровати и, оглашая воздух пронзительным визгом, бегут босиком, в одних рубашонках в кухню. – Кошка оценилась! – кричат они [...]”. Дети счастливы. „Лица их серьезны, сосредоточенны и выражают заботу. Их тревожит не только настоящее, но и будущее котят”. Раз кошка их мать, то должен быть и отец, „без отца им нельзя”. „Ваня и Нина долго решают, кому быть отцом котят, и в конце концов выбор их падает на большую темно-красную лошадь с оторванным хвостом, которая валяется в кладовой под лестницей и вместе с другим игрушечным хламом доживает свой век. Ее тащат из кладовой и ставят около ящика [...]”. События развиваются идиллически.

Чехов восхищается детской способностью любить, которая кажется ни от кого не зависящим „даром небес”, фантазировать, восхищается неумной любознательностью детей, с наслаждением цитирует неправильности их речи („котят похожи на мышов”). В интонации повествования чувствуется улыбка взрослого человека, рассказывающего о наивных детских представлениях, – улыбка ласковая и не обидная.

Но вот начинается кошмар. Котят хотят выбросить в помойку. Дети плачут, и в конце концов отец разрешает оставить котят в кухне. Но дальше случается совсем страшная история. Драматизм ее Чехов подчеркивает ясным, простым описанием, без всяких нравочений, комментариев. В гости в семью приходит дядя Петруша, а с ним „большой черный пес”, который под шумок съедает котят. „Но люди сидят спокойно на своих местах и только удивляются аппетиту громадной собаки”. И последняя фраза произведения: „Ваня и Нина ложатся спать, плачут, долго думают об обиженной кошке [...]”. Для них – это трагедия.

Название рассказа – *Событие* – можно толковать как некий символ. Да, случилось огромное событие в жизни детской души. Страшное событие, которое при всей его мизерности (в глазах взрослых) может стать переломным для детского мировосприятия. Во-первых, дети видят жестокость, которая воспринимается как норма. Во-вторых, они сталкиваются с абсолютным непониманием взрослыми их чувств, интересов, представлений. Дети испытывают настоящую боль и, может быть, впервые, сами того не понимая, познают одиночество.

Они ждали от родителей гнева и возмущения против пса, сожравшего котят, но... „папа и мама смеются”. Чехов подчеркивал благотворное влияние домашних животных на воспитание детей: „Мне даже иногда кажется, что терпение, верность, всепрощение и искренность, которые присущи нашим домашним тварям, действуют на ум ребенка гораздо сильнее и положительнее, чем длинные нотации...”. А тут такое надругательство над правдой и красотой. *Событие* – лишь эпизод, в котором отразилась беззащитность детского мира перед жестоким равнодушием взрослых. Никому нет дела ни до животных, ни до детей; торжествуют мрачные, свирепые существа вроде Неро... А сколько впереди обид, еще более глубоких и безнаказанных...

Чехов безжалостен в своей правде. Как просто было бы ему „отправить” маму к детским постелям, заставить хотя бы погладить детей по головам, успокоить. Но – нет, Чехов знает: жизнь часто сурова и далека от идиллии. Дети лежат и плачут. А взрослые играют в карты и смеются. Одна из жестоких деталей рассказа – именно контрапункт смеха взрослых и плача детей, которого никто не слышит.

Образы, которые будят разум и совесть, создал писатель в рассказах о детях-сиротах, обездоленных, живущих тяжело и беспросветно.

Наверно, трудно найти более хрестоматийного литературного героя, чем чеховский Ванька Жуков из рассказа *Ванька* (1886). Кроме ярко выраженных социальных мотивов, в этом произведении есть и глубочайший психологический портрет, и удивительное сочетание трагизма и юмора. Как и в другом знаменитом рассказе – *Тоска* – герой высказывает свою боль „в никуда”. В одном случае – лошади, в другом – бумаге, которая никогда не найдет адресата, ибо писана в отчаянии – „на деревню, дедушке”. Однако из этой безнадежной ситуации есть выход, имя которому – исповедь. Человек высказал свою боль, и само это способно принести ему облегчение. Это и есть начало избавления от невыносимой душевной и физической муки. „...Стал писать”...

Поразителен талант мальчика, богатство его воображения, его наблюдательность, память, вместившая все впечатления детства. Чехов явно любит своего героя, ведя рассказ от его лица. Поэтичнее, с пушкинской простотой описана природа, – этот эпизод существует и в контексте воспоминаний Ваньки и как бы сам по себе. Этот образ деревни прекрасен, как прекрасна и заманчива мысль мальчика о возвращении домой.

Когда Ванька рассказывает о своей беспросветной жизни в учении у сапожника, появляются „ейный”, „харя”, „морда”, „трескают”. Грубый быт рождает и соответствующие слова. А воспоминания о жизни дома, в деревне, связаны с прекрасным. И слова, в которые облакаются картины воспоминаний, – яркие, образные, светлые. „Убаюканный сладкими надеждами, он, час спустя, крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам...”

Этот маленький литературный шедевр достигает высот трагедии. Горькая сиротская судьба мальчика воспринимается и в более широком смысле. Ведь дедушка Константин Макарыч отправил любимого внука в город, думая, что там ему будет лучше, чем в родной деревне. *Ванька*, как и многие произведения Чехова, – об одиночестве. О том, как трудно быть понятым. О невозможности предостудить страдание другого человека. „А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул”. Мотив ужасной, убийственной усталости очень волновал Чехова.

Трагичен рассказ *Спать хочется* (1888), лаконичный, жесткий, со стремительной кульминацией и развязкой. Варьке, отданной в услужение к мастеровому, нет времени выспаться. В одном лице прислуга, горничная, прачка и нянька, эта тринадцатилетняя девочка не выдерживает тяжести бессонных ночей. Сон и явь, соперничающая друг с другом в безысходности, давят на мозг Варьки. Грезы ее окрашены в недетские, мрачные тона: темные облака, холодный, суровый туман, какие-то обозы, люди с котомками и тени, бредущие по жидкой грязи. Днем Варька – в полудремотном состоянии, но ни на минуту ей не дают прилечь, без конца понукают, требуют то затопить печь, то лестницу помыть, то сбежать за водкой... Она грезит наяву, вспоминает в полусне свою жизнь.

И еще одна ночь, снова крик ребенка, снова этот тяжелейший полусон, когда все тело сковано. „Глаза ее слипаются, голову тянет вниз, шея болит. Она не может шевельнуть ни веками, ни губами, и ей кажется, что лицо ее высохло и одеревенело, что голова стала маленькой, как булабочная головка”. И наступает страшный миг – миг безумия. И она, на грани безумия, видит источник своей беды в непрекращающемся крике хозяйского младенца и – душит его в колыбели, чтобы заснуть...

Чехов точно понимает физиологическое состояние изнуренного бессонницей человека. Читая рассказ, бесконечно сочувствуя героине и погибшему младенцу, которого поджидала такая участь, читатель словно бы и сам погружается в tempo-

ритм нарастающего состояния усталости. И хотя Чехов, следуя своим принципам, не произносит ни слова прямого осуждения, не делает никаких комментариев по поводу бездушных людей, окружающих девочку, идиотским смехом Варьки в момент убийства он подводит читателя к мысли об истинных причинах искалеченной жизни девочки. Дает понять, что несчастье и преступление ребенка – признаки страшного, ненормального уклада жизни.

В повести *Степь* (1888) (произведении многоплановом, сложном по композиции, с большим числом действующих лиц) образ ребенка раскрывается в его отношениях с окружающим. Девятилетний Егорушка, которого родственник и сельский священник везут в город учиться, – одна из центральных фигур повести. Этот мальчик – очень ранимый, душевно одинокий, лирически настроенный, – уже личность со своими вкусами, пристрастиями, оценками, даже взглядами – на того или иного человека, факт. За время своего мучительного путешествия, приглядываясь к протекающей рядом жизни, он понимает неутешительное: „как скучно и неудобно быть мужиком!“.

В немалой степени именно его глазами видится и оценивается происходящее. „Он чувствовал себя в высшей степени несчастным человеком и хотел плакать“. Сознание юного героя выявлено через его способность понимать жизнь природы как подобие жизни человека. Вот страшная картина грозы, увиденной глазами Егорушки, картина, соответствующая его собственному отчаянию и оставленности: „Кто-то чиркнул по небу спичкой“; „Чернота в небе открыла рот, и дыхла белым огнем“. Возможно, мальчика нельзя назвать главным персонажем повести, но только по той причине, что главный герой – сама степь.

Знакомый чеховский мотив: сочувствие ребенку, жизнь которого взрослые устроили по своему разумению, ничуть не вдумываясь или, по крайней мере, не вдумываясь глубоко в то, каково же самому мальчишке, отдаваемому в чужие руки, отправляемому в полную неизвестность? Каково детской хрупкой душе быть оторванной от привычного мира? Чехов с необычайным сочувствием пишет о горящем ребенке. Он полностью на его стороне. И называет его ласково, не иначе как – Егорушка. Постоянно подчеркивает, с одной стороны, тоску и одиночество мальчика, а, с другой – его наблюдательность, способность видеть красоту, радоваться прекрасному.

Есть один интереснейший прием, который Чехов применяет будто исподволь. По тому, как разные люди относятся к ребенку (а их десятки встречаются в пути) писатель, в сущности, рассказывает о самом человеке – добр он или зол, алчен ли, способен ли на сострадание. Так, к примеру, еврейская чета на постоялом дворе, пожалев сироту, отдает Егорушке пряник, отрывая его от своих многочисленных детей. Образ Егорушки, по существу, вырастает до символа. Это и символ романтизма, поэтичности детской души, непосредственности детского сознания. И некий знак одиночества человека, вступающего в жизнь.

Жизнь как степь – многолика, страшна, прекрасна. И слишком безмерна, чтобы понять ее. Простора так много, что человеку порой трудно отыскать себя в нем. И еще труднее ориентироваться в окружающем мире детям, ведь у них,

„как у дикарей, свои художественные воззрения и требования своеобразные, недоступные пониманию взрослых” (*Дома*). Из рассказа в рассказ возвращается писатель к своим любимым мыслям, к темам, которые тревожат его душу. Это мысли о достоинстве, свободе человека, о лучших качествах человеческой личности – таланте, уме, доброте. А еще о том, как мало иногда люди дорожат тем лучшим, что в них есть.

Одна из главных идей рассказов Чехова о детях в том, что уже в раннем возрасте ребенок обладает вполне определенными чертами характера, более того, во многом – это уже сформировавшаяся личность. Но при этом дети еще далеки от жизни взрослых, у них нет опыта, нет затянувшихся душевных ран, неизбежно возникающих с возрастом, пока человек „обтесывается” об острые углы жизни. Они живут в своем наивном мире, полном добра, любви, иллюзий, доверия, искренности.

Детская душа чутка ко всему хорошему, и счастливое состояние души, как правило, присуще ребенку постоянно, это одно из существенных его отличий от взрослого. Но когда гармонию детского мира, с его бесхитростными помыслами, нарушают равнодушие и хладнокровие взрослых, доверчивость к жизни начинает колебаться. Пошлость и жестокость взрослых постепенно гасят „искру божью” в душе маленького человека. И жаль, если никогда не загорятся прежние огоньки в его глазах.

Тут возникает еще одна, не менее значимая тема. Трудность человеческого общения, прежде всего между „отцами” и „детьми”, людьми разных поколений, начинаются не вдруг, не в зрелом возрасте; истоки этого процесса коренятся именно в детстве. И возникают эти трудности от нежелания, а нередко – от невозможности взрослых воспринять мир ребенка, от их невнимания к детской душе. „В мире каждого писателя всегда есть свое особое зло, от которого страдают его герои. У одного писателя это бедность, у другого – несправедливость, у третьего – жестокость. У Чехова [...] существенным злом является одиночество. Писатель показывает людей, одиноких буквально, [...] и людей, одиноких среди близких. [...] Неблагополучие в семейной жизни в произведениях Чехова чаще всего выражается не в притеснении, издевательствах или в других подобных формах зла, которые могут принести люди своим близким, а в отчуждении, равнодушии и взаимном непонимании» [Лысков 1906: 87].

Во многих рассказах Чехова изображены семьи, где, казалось бы, все предрасположено для детской радости, детской нормальной жизни (*Мальчики*, *Событие*, *Гриша* и др.). Однако писатель подмечает те моменты в жизни детей, когда обнаруживаются неразрешимые проблемы. Он зримо показывает, как формируется характер, какие причины и обстоятельства, самые, вроде бы, подчас незначительные, рождают будущего труса, храбреца, человека кроткого или злого.

У Чехова родители нередко бросают детей на произвол судьбы, не общаются с ними – некогда, много своих, зачастую ничтожных, по сути, дел и забот. Иногда родители – просто распоясавшиеся самодуры. Тут и там (к примеру, в рассказах

Лишние люди, Отец семейства) рассеяно множество деталей, подчеркивающих, сколь небрежны взрослые к детям, в том числе к собственным, которых вроде бы любят и, как им кажется, отлично знают. Да, дети сыты, обуты, но это не значит, что они счастливы. Всегда недостает внимания, теплоты, ласки, понимания со стороны дорогих им людей. Психика детей, при кажущейся простоте, сложна, поэтому с детской душой надо обращаться бережно, умеючи. Ведь дети острее воспринимают боль. То, что для взрослых ничто, для детей может быть целой трагедией.

Название рассказа *Житейская мелочь* (1886) еще более многозначно, чем *Событие*. На первый взгляд, какой пустяк – некий молодой человек, Беляев, не сдержал слова, данного мальчику Алеше. Обычное дело... Но какой это шок, удар, душевная травма для ребенка: „Он первый раз в жизни лицом к лицу так грубо столкнулся с ложью; ранее же он не знал, что на этом свете [...] существует еще и многое другое, чему нет названия на детском языке”.

Рассказ начинается со слов о том, что домовладелец Беляев, „упитанный, розовый, как-то под вечер зашел к госпоже Ирриной, Ольге Ивановне, с которой он жил, или, по его выражению, тянул скучный и длинный роман”. Если вдуматься в первые строки, уже можно начать сомневаться в порядочности героя. Беляев разлюбил Ольгу Ивановну, но продолжает „тянуть” прежние отношения, обманывая ее. А слова „по его выражению” прозрачно намекают на то, что он уже кому-то рассказывал о своем „скучном и длинном романе”.

Не застав Ольгу Ивановну дома, Беляев „от нечего делать” рассматривает лицо ее восьмилетнего сына – Алеши, которого прежде вовсе не замечал. Беляеву и теперь нет никакого дела до мальчика. Он заводит с ним разговор лишь потому, что ему скучно, нечем убить время до прихода приятельницы.

Внимание взрослого неожиданно для Алеши, он к этому не привык. Отец с ними не живет, мальчик всегда один. И теперь, обрадованный, он, как к другу, прижимается к Беляеву, играет с его цепочкой, доверчиво рассказывает о своей жизни. И между прочим, по секрету – о том, как он встречается с папой тайком от мамы. Собственно, об этом он совсем не хотел рассказывать, но Алешу „подкупил ласковый тон Беляева: тот говорит с ним, как с взрослым, как с равным, по-дружески”. И мальчик не сомневается в нерушимости данного ему честного слова.

Но вот Беляев узнает, что Алешин отец говорит, будто он погубил Ольгу Ивановну. В домовладельце закипает кровь: „Не твое дело! Нет, это... Это даже смешно! Я попал как кур во щи, и я же оказываюсь виноватым”, – бормочет он, сразу бросая прежний „дружеский” тон. Грубо оскорбляет отца и мать мальчика. Потом, при Алеше и его маленькой сестричке, закатывает скандал вернувшейся Ольге Ивановне. Картинно возмущаясь ее „лицемерием”, не задумываясь, растаптывает доверие маленького одинокого существа, на глазах ребенка унижает самых дорогих ему людей.

Чехов внешне как будто даже оправдывает Беляева: „ – Послушайте, ведь вы честное слово дали! – проговорил Алеша, дрожа всем телом. Беляев махнул на

него рукой и продолжал ходить. Он был погружен в свою обиду и уже по-прежнему не замечал присутствия мальчика”. Перед нами „большой и серьезный человек” со своей серьезной обидой – и какой-то там мальчик. Но это лишь на поверхности так. Внешняя точка зрения опровергается писателем. Приглядевшись поближе к Беляеву, мы убедимся, что ничего достойного уважения в нем нет: перед нами маленький и довольно подленький человечек.

С помощью обычной „житейской мелочи” Чехов противопоставляет друг другу два мира. Контраст „детского” и „взрослого” слит с живым ощущением порочности современной жизни, построенной на фальши, несправедливости. Звучит характерный чеховский мотив: дети, с их нравственно чистой душой, – „лишние” в мире взрослой лжи.

В ином повороте раскрыта тема взаимоотношений взрослых и детей в рассказе *Дом* (1887). В доме прокурора Быковского не происходит ничего особенного: просто сын вздумал курить, и отец ведет с ним назидательную беседу, а потом сочиняет страшную сказку о вреде курения, и Сережа обещает, что больше курить не будет. Но это лишь внешний сюжет. Внутреннее движение связано с конфликтом двух точек зрения на происходящее: „взрослой” и „детской”.

Гувернантка, от которой отец узнаёт, что сын курит, – само воплощение строгости и неукоснительной „правильности”. В Серезином курении она видит вредную привычку, которую следует немедленно искоренить. Казалось бы, она права. Но нет, это только кажущаяся правота. Семилетний „карапуз” представляется ей чуть ли не начинающим преступником. Со всей своей черствой и неумолимой логикой она бесконечно далека от ребенка, от его интересов, от всего, чем он живет.

А Сережа – мальчик с большими немигающими глазами. У него недавно умерли мать и дядя, который так хорошо играл на скрипке. Это нежное, впечатлительное и думающее существо. У него свой мир, недоступный для формального, бездушного гувернерства.

Быковский действительно любит сына, занимается с ним, беседует. Сережа не чувствует себя „лишним”. Но вот возник вопрос о пробуждении сознания ребенка, и как тут быть, отец не знает, как не знает и большинство других отцов. В душе его начинается разлад. Логически он согласен с гувернанткой и заставляет себя читать сыну вялую, скучную мораль, которая до ребенка просто не доходит, – он почти не слушает нудных отцовских поучений. И отец сердцем чувствует, что говорит не то, что не так надо разговаривать с мальчонкой.

„Евгению Петровичу казалось странным и смешным, что он, опытный правовед, полжизни упражнявшийся во всякого рода пресечениях, предупреждениях и наказаниях, решительно терялся и не знал, что сказать мальчику”. Он пытается опереться на принятые понятия, бытующие в обществе: „[...] Подделываясь под детский язык, Быковский стал объяснять сыну, что значит собственность”. Мальчик только „щурил глаза”, и взгляд его блуждал. Быковский говорил, „хмурясь и тем маскируя свою улыбку”. Не получается педагогическая беседа. Каждый его довод опровергается сыном.

„ – [...] у тебя есть лошадки и картинки... Вот я их не беру? Может быть, я и хотел бы их взять, но... ведь они не мои, а твои!

– Возьми, если хочешь! – сказал Сережа, подняв брови. – Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери! Эта желтенькая собачка, что у тебя на столе, моя, но ведь я ничего... Пусть себе стоит!”

Движение сюжета в рассказе связано не только со столкновением взрослой и детской точек зрения, но и с утверждением морального превосходства ребенка над неестественной жизнью взрослых. „[...] Прозвучали слова Сережи, и от всей прокурорской тирады ничего не осталось. Насколько же мельче все его рассуждения по сравнению с простыми и великодушными словами мальчика о желтенькой собачке” [Паперный 1960: 68]. Быковский начинает серьезно размышлять о жизни. Он привык „по целым часам и даже дням думать казенно, в одном направлении”. Но детский мир Сережи заставил этого взрослого человека „выпасть” из привычного и однообразного круговорота быта, службы, обывательского существования, заставил усомниться в непререкаемости омертвело уклада жизни. Прокурору приятно стряхнуть с себя всю эту „казенщину”, приблизиться к миру наивных, добрых, великодушных представлений.

Несколько иной характер взаимоотношений взрослого и детского мира – в рассказе *Беглец* (1887). Семилетнего Пашку мать долго-долго по скошенному полю вела к врачу. Болезнь мальчика оказывается серьезной (вот-вот потребуются ампутация руки) и его оставляют в больнице. Здесь ему все ново, все занимательно. Скучная больничная пища кажется обильной и вкусной по сравнению с домашней едой, а одежда – больничный халатик – настолько праздничной, что ему хочется в ней пощеголять перед деревенскими приятелями. Он уже согласен остаться здесь подольше. Однако жизнь в больнице оказывается не столько занимательной, сколько страшной. Мальчик становится свидетелем смерти человека. В его душе возникает паническое желание бежать. „Пашка, не разбирая дверей, бросился в палату оспенных, оттуда в коридор, из коридора влетел в большую комнату, где лежали и сидели на кроватях чудовища с длинными волосами и со старушечьими лицами. [...] У него была одна мысль – бежать и бежать! Дороги он не знал, но был уверен, что если побежит, то непременно очутится дома у матери”.

Мальчик в ужасе мечется. И тут на его пути появляется доктор, добрый, веселый; он прекрасно ладит с ребенком, помогает ему преодолеть страх и одиночество. Взрослый мир не отворачивается от восприимчивой детской натуры: совершенно „чужой” человек помогает деревенскому мальчику, оторванному от родного дома, справиться с ужасом и обрести спокойствие. И не случайно этот человек – врач, который в силу своей профессии обязан отлично знать психологию людей.

Даже не взглянув на вошедших Пашку и мать, доктор сразу понял их чувства и переживания. Несмотря на строгий тон разговора, его доброжелательный настрой звучит уже в первых репликах диалога, полного раскованности, юмора

и в то же время сострадания к этим бедным людям. Доктор упрекает мать в том, что та „сгноила парню руку”. Она только молчит и со всем соглашается. Внятен авторский подтекст: слишком глубоки темнота и забитость простых людей; очень жаль, что такими же растут и их дети.

У Пашки болит рука, а еще страшнее ему оставаться в больнице одному, без матери. Доктор это прекрасно понимает. По-свойски хлопая по голому животу мальчика, он умело старается отвлечь его внимание от мрачных мыслей: „Пусть мать едет, а мы с тобой, брат, тут останемся. У меня, брат, хорошо, разлюли малина! Мы с тобой, Пашка, вот как управимся, чижей пойдем ловить, я тебе лисицу покажу! В гости вместе поедем! А? Хочешь? А мать за тобой завтра придет!”. Пашка поддается влиянию этого взрослого человека, полностью веря ему. И в момент, когда мальчик наиболее остро ощутил себя брошенным, одиноким, именно лицо доктора явилось „спасательным кругом” в море страшной, равнодушной жизни.

В рассказах о детях Чехов всегда сталкивает мир взрослых с детским миром. Но, как мы видим, два мира могут находиться не только в противостоянии. Бывает, что взрослые и дети поддерживают друг друга в этой жизни, непредсказуемой, холодной, безразличной, жестокой. И тогда Чехов описывает взаимоотношения взрослых и детей, радуясь, любясь их гармонией.

Рассказ *День за городом* (1886) – наверное, одно из самых светлых произведений о детях в творчестве Чехова. Здесь и мир взрослых, и мир детей представлены с огромной нежностью.

Сапожник Терентий и сироты Фекла с Данилкой – совсем „чужие” люди, но жизнь, беспощадная, несправедливая, настолько сблизила взрослого и детей, что нет роднее их на этой земле. Насколько крепка их дружба, гармонично взаимопонимание! Терентий для детей „дяденька, родненький”, а лицо сапожника при виде сирот „покрывается улыбкой, какая бывает на лицах людей, когда они видят перед собой что-нибудь маленькое, глупенькое, смешное, но горячо любимое”. Вот Данилка в беде – „засунул в дупло руку и вытащить теперь не может”. Без раздумья сапожник идет на выручку мальчику, забывая о своих делах.

Одна из наиболее важных, своеобразных особенностей чеховской художественной личности – умение видеть „незаметную”, будничную красоту жизни. Этот эстетический принцип – красота обыкновенного – с особой трогательностью, ласковой улыбкой раскрыт писателем в живых диалогах между сиротами и сапожником:

„ – Измокнем мы с тобой, Феклуша! – бормочет Терентий. – Сухого места не останется... Хо-хо, брат! За шею потекло! Но ты не бойся, дура... Трава высохнет, земля высохнет, и мы с тобой высохнем. Солнце одно для всех”.

„ – Тут, Терентий, наемднн утки пролетели.. – говорит Данилка [...] – Должно, в Гнилых Займищах на болотах сядут. Фекла, хочешь, я тебе соловьиное гнездо покажу?”

– Не трогай, потревожишь... – говорит Терентий [...]. – Соловей птица певчая, безгрешная... Ему голос такой в горле даден, чтобы бога хвалить и человека увеселять. Грешно его тревожить...”

Терентий – простой русский человек, на него тоже давит уклад жизни. Но условия, в которых он живет, не истребили в нем человечности, сострадания, стремления к красоте. Чехов наделил своего героя глубокими особенностями подлинно русского характера, которому присущи сдержанная, скрытая сила, талант, душевная красота.

Сапожник безграмотен, но в то же время он словно знает всё. Отвечает на все вопросы любознательного Данилки, и „нет в природе той тайны, которая могла бы поставить его в тупик”. Как и большинство простых людей, он учился „не по книгам, а в поле, в лесу, на берегу реки”. Поражаешься его смекалке, сообразительности, с которыми он отвечает на непростые детские вопросы:

„ – Страсть как гремит! – повторяет мальчик, почесывая руку. – А отчего это гремит, Терентий?

– Туча на тучу надвигается... – говорит сапожник”.

„ – Детям интересно бы знать, как это локомотив, не живой и без помощи лошадей, может двигаться и тащить такую тяжесть, и Терентий берется объяснить им это:

– Тут, ребята, вся штука в паре... Пар действует... Он, стало быть, прет под эту штуку, что около колес, а оно и тово... этого... и действует...”

Терентию в радость общаться с детьми. Уставший от „взрослой” жизни, он находит отдушину в разговорах с этими наивными существами. И дети, в свою очередь, чувствуют его доброту и заботу. Засыпая, сироты думают о „бесприютном” Терентии, который любит их и стремится хоть как-то скрасить их „недетскую” жизнь. „А ночью приходит к ним Терентий, крестит их и кладет им под головы хлеба. И такую любовь не видит никто. Видит ее разве одна только луна, которая плывет по небу и ласково, сквозь дырявую стреху, заглядывает в заброшенный сарай”.

Конечно, не случайно местом действия в рассказе является лес. Только здесь, среди природы, вдали от безразличия, жестокости, несправедливости, возможна такая гармония между детским и взрослым миром.

Широко известно письмо А.П. Чехова к брату Николаю (март 1886 г.) о требованиях к воспитанному человеку. Писатель формулирует восемь принципов, с его точки зрения наиболее важных. Казалось бы, впрямую они не касаются темы детства, но очевидна их сущностная связь с раздумьями Чехова-художника о детях. Так, в пункте первом автор пишет о воспитанных людях: „Они уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы”. Или, к примеру, в пункте четвертом: „Они чистосердечны и боятся лжи как огня, не лгут они даже в пустяках. Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего” [Чехов 1962: 82, 84]. Разве не о том же говорит Чехов, описывая взрослых в их непонимании поступков и состояния детей?

Рассказы Чехова о детях, в первую очередь, с большой горечью говорят о „невоспитанности” взрослого мира, который истребляет в человеке самые человеческие качества, обучает его порокам. Отсюда и неправильное восприятие взрослыми детского мира, полного доброты, любви, сочувствия, искренности, правды. Взрослым непонятна детская душа, но они часто и не желают ее понять. Порой своими словами, поступками они неосознанно травмируют душу ребенка, обрекая его на одиночество (*Событие, Житейская мелочь, Отец семейства*). В то же время часто взрослые бессильны, даже когда стремятся к этому, разобраться в детской душе: попытка понять детскую натуру, простую и одновременно сложную, кончается ничем (*Дома*).

Однако не только взрослые воспитывают детей, а и дети воспитывают взрослых, которые усваивают черты их детскости, учатся у них быть радостными, добрыми, живыми. Ведь душа детей всегда жаждет любви, заботы, ласки, справедливости, понимания. И только там, где это есть, гармоничны отношения между взрослыми и детьми (*Беглец, День за городом*).

Однако „морали” – то нет, зато нравственный урок – есть. Вот одно из высказываний Чехова, объясняющих отсутствие назидательности в его творческой манере: „Надо писать то, что видишь, то, что чувствуешь, правдиво, искренне. Меня часто спрашивают, что я хотел сказать тем или другим рассказом. На эти вопросы я не отвечаю никогда. Я ничего не хочу сказать. Мое дело писать, а не учить!.. Живые правдивые образы создают мысль, а мысль не создаст образа. [...] Если я живу, думаю, страдаю, то все это отражается на том, что я пишу. Зачем мне слова: идея, идеал? Если я талантливый писатель, я все-таки не учитель, не проповедник, не пропагандист. Я правдиво, то есть художественно, опишу вам жизнь, а вы увидите в ней то, чего раньше не замечали: ее отклонения от нормы, ее противоречия [...]”¹.

Параллельный мир взрослых в большинстве случаев бесцеремонно нарушает гармонию мира ребенка и предстает в отталкивающей неприглядности. Дети у Чехова не принимают мир взрослых, они, как правило, далеки от его фальши, жестокости, равнодушия. Поэтому чеховские маленькие герои часто одиноки и беззащитны. „Равнодушные – постоянный фон в рассказах писателя”, но „герои равнодушны и отчуждены не в силу своих индивидуальных недостатков, а в силу всеобщих свойств мира, в котором они живут”, поэтому они „никогда не несут зло своим близким сознательно” [Линков 1982: 88, 90]. Взрослые обрекают детский мир на одиночество, сами того не осознавая, просто потому что так пошло, никуда не годно устроен их собственный мир.

Ребенок – судья взрослого мира. Детский взгляд, голос, интонация оттеняют фальшь взрослой жизни, служат толчком к таким раздумьям, которые далеко выходят за границы детских помыслов. Мысль Чехова нельзя сводить только к любованию чистотой неиспорченной детской души и к осуждению взрослого

¹ Из воспоминаний Л.А. Авилловой, в: *А.П. Чехов в воспоминаниях современников*, М. 1960, с. 203.

мира. Детские образы у писателя разные, как различны и образы взрослых. Великий мастер психологии глубоко, ёмко, лаконично раскрывал все характеры. В жизни детей писатель находил такие связи и стороны, от которых надо было бы избавиться, и другие – которые он хотел бы видеть во взаимоотношениях между всеми людьми.

„Детские” рассказы Чехова – одна из форм выражения идеала писателя, художественная конструкция взаимосвязей между людьми вообще. Своими рассказами о „недетской” жизни детей взволнованно говорил о том, что дети вправе быть собой, что детство должно быть действительно детством. Размышляя о детях, думал о „взрослых” проблемах, ставших для него „больными вопросами”. „Детская” тема у Чехова связана с коренными его размышлениями о нескладной жизни, „убыточной” и ненормальной, о корысти и расчете, отравляющем жизнь людей. И в то же время – это круг его раздумий о красоте, человеческой и природной, о вольных и счастливых людях, о самой возможности счастья.

Библиография

- Бердников Г.П. (1970). *А.П. Чехов: идейные и творческие искания*. Л.
Бялый Г.А. (1956). *Чехов*. В: *Истоия русской литературы*. Т.9. М.
Голубков В.В. (1958). *Мастерство А.П.Чехова*. М.
Громов М.П. (1989). *Книга о Чехове*. М.
Катаев В.Б. (1979). *Проза Чехова: проблемы интерпретации*. М.
Линков В.Я. (1982). *Художественный мир прозы А.П.Чехова*. М.
Лысков И.П. (1906). *А.П. Чехов в понимании критики*. М.
Мережковский Д.С. (1995). *Толстой и Достоевский: Вечные спутники*. М.
Набоков В.В. (1996). *Лекции по русской литературе*. М.
Паперный З. (1960). *А.П. Чехов*. М.
Семанова М.Л. (1976). *Чехов-художник*. М.
Чехов А.П. (1962). *Собр. соч.* В 12 тт. Т.11. М.

Summary

Two Aspects of the Theme of Childhood in A.P. Chekhov's stories

There are two main aspects in Chekhov's stories about children: perception of the world by a child and perception of children's world by adults. Chekhov shows the moments in the life of children which let to reveal problems that arise because the grown-ups don't understand the world of child, so children collide with the world of adults, not seldom alien and incomprehensible for them. Children don't accept insincerity, cruelty, indifference, therefore they are often lonely and defenseless. Thinking about children, Chekhov thought about grown-up problems which became painful for him: about awkward, abnormal life, about mercenary spirit and love of gain that are the bane of people's life. And at the same time – this is the circle of his thoughts about beauty, created by human and nature, about free and happy people, about possibility of happiness in itself.